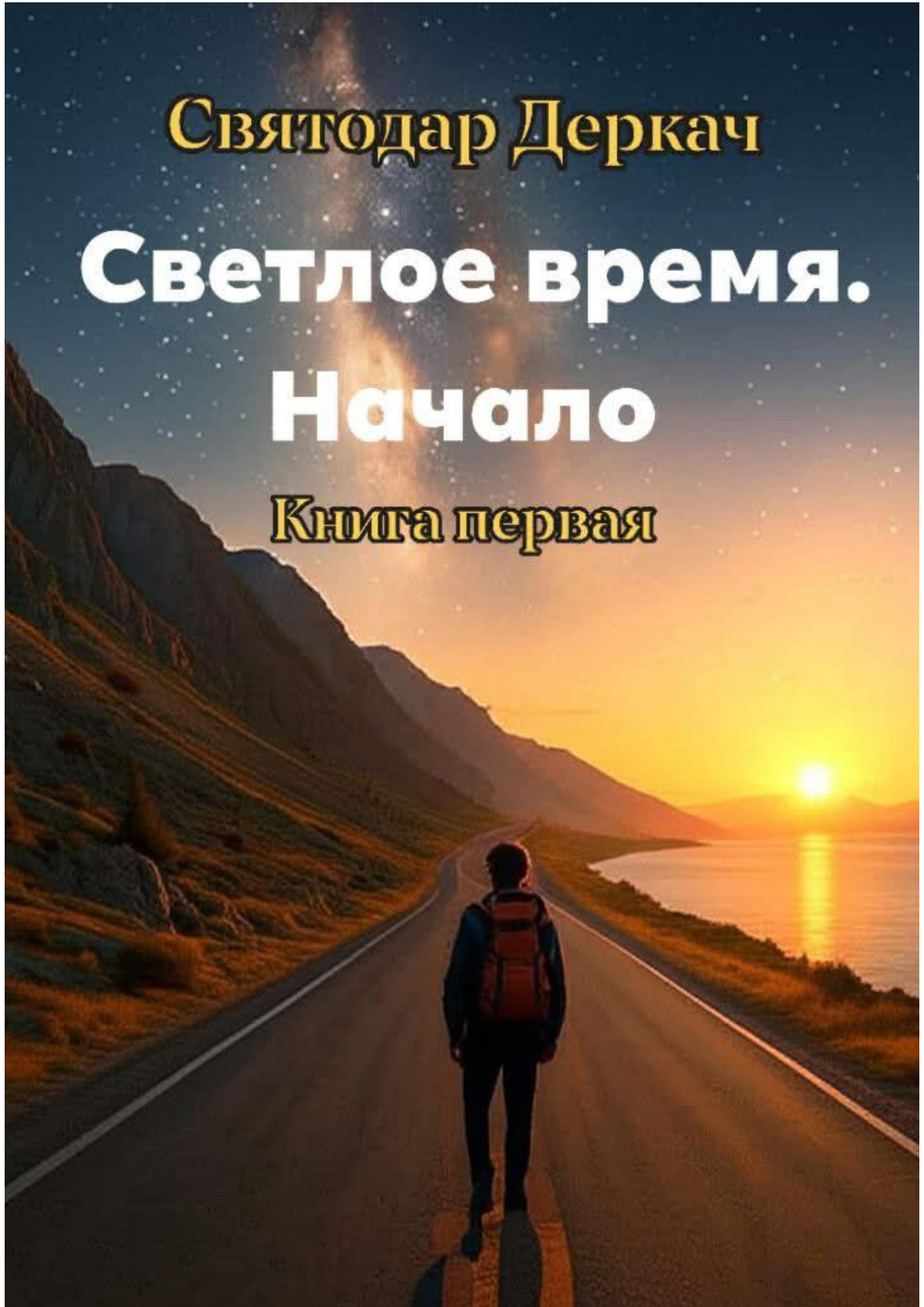

Святодар Деркач

Светлое время.

Начало

Книга первая

Святодар Деркач

Светлое Время.
Начало. Книга первая

«Автор»

2025

Деркач С.

Светлое Время. Начало. Книга первая / С. Деркач — «Автор»,
2025

Тени воспоминаний сгущаются вокруг меня, как туман над рекой перед рассветом. Я пишу эту книгу не чернилами, а собственной кровью каждой клеткой помня, каждый нервом ощущая то, что довелось пережить. Десять лет практик, семь лет странствий пешком по нашей земле- это не просто рассказ. Это исповедь души, выжженная в реальности огнём мистических озарений. Я видел слишком много, чтобы молчать. Я пишу не как автор, а как проводник. Здесь не будет притворства. Только правда, острая, как лезвие, и глубокая, как ночное небо. Я делился ею с теми, кто приходил ко мне в поисках ответов . Теперь пришло время сказать это вслух. Мои слова не теория. Они пропитаны потом, болью и светом, который проникала сквозь тьму. Опыт, который не сотрётся. Города и даты могли стереться, но осталось главное Реальные люди. Настоящая магия. Все, о ком я пишу существовали. Пусть вспомнят. Почему сейчас? Я пишу, время настало, Светлое Галактическое Время. Без прикрас. Без страха. Готовы ли вы это принять?

© Деркач С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Светлое Время. Начало	5
Часть первая.Глава первая. Продолжения пути.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Святодар Деркач

Светлое Время. Начало. Книга первая

Светлое Время. Начало

Жизнь свою дорогой назвал —

Пути извилисты...

С поднятой головой шагаю,

Уверенной походкой, не спеша, с остановками.
Что пойму, а что — нет,

Жизнь при этом набирает разбег.

Где границы окончания пути?..

Дойду — и расскажу.
А пока иду на Свет —

Туда, куда зовет меня душа.

Пролог

Тени воспоминаний сгущаются вокруг меня, как туман над рекой перед рассветом. Я пишу эту книгу не чернилами, а собственной кровью — каждой клеткой помня, каждый нервом ощущая то, что довелось пережить. Это не просто рассказ. Это — исповедь души, выжженная в реальности огнём мистических озарений, падений и восхождений.

Я видел слишком много, чтобы молчать.

Я пишу не как автор, а как проводник. Моя жизнь — извилистый путь от тьмы к свету, где каждая развилка хранит урок, а каждый встречный — учитель. Здесь не будет притворства. Только правда, острая, как лезвие, и глубокая, как ночное небо. Я делился ею с теми, кто приходил ко мне в поисках ответов — шёпотом у костра, в долгих беседах под звёздами, в те редкие моменты, когда судьба сводила нас на перекрёстках жизней. Теперь пришло время сказать это вслух.

Мои слова — не теория. Они пропитаны потом, болью и светом, который иногда пробивался сквозь тьму. Я не философ, не гуру — просто человек, который ходил по краю и возвращался, чтобы рассказать, что там есть.

Опыт, который не сотрётся

Я не вёл дневников. Моя память — это лоскутное одеяло из мгновений:

Запах полыни в степи, возле дороги, в пыли проезжающих машин.

Хруст снега под ногами в ту ночь, когда я понял, что некоторые двери открываются только после полуночи.

Тихий смех женщины, которая знала мои мысли, прежде чем я их осознал.

Города и даты могли стереться, но осталось главное — ощущение прикосновения к чему-то большему. К той силе, что вела меня сквозь лабиринты судьбы, иногда мягко, а иногда — рывками, будто выдёргивая из привычного мира за волосы.

Реальные люди. Настоящая магия

Все, о ком я пишу – существовали. Их руки касались моих плеч, их слова прожигали дыры в моей реальности. Я изменил имена, но не суть – они знают, кто они. И если однажды эта книга попадёт к ним в руки... пусть узнают себя. Пусть вспомнят.

Были среди них те, кто светил, как маяк в шторм. Были и те, кто толкал в пропасть – но даже им я благодарен. Без них я не научился бы видеть сквозь ложь.

Почему сейчас?

Потому что пришло время.

Не моё – их. Тех, кто уже слышит шёпот собственной души, но боится поверить. Тех, кто ищет не инструкцию, а подтверждение: да, такое бывает. Да, ты не сошёл с ума. Да, за гранью привычного есть нечто большее.

Я пишу так, как видел. Без прикрас. Без страха.

Готовы ли вы это принять?

Часть первая. Глава первая. Продолжения пути.

Тайлаган. Шаманский праздник.

О Наблюдении...

Мир как-то сразу изменился, будто время остановилось на мгновение,

И всё застыло под давлением фраз, и действие уводит нас в мир забвения...

Какой-то смерч, невидимый для глаз, разматывает всё, что создано не раз

Для нас и нашими руками, принося боль прозрения...

7 августа 2022 года. Число семь.

С самого утра воздух вибрировал особым образом, будто предупреждая о важности этого дня. Мы с товарищем заняли место среди зрителей, но я пришёл не просто смотреть. Праздник проходил всегда между Хужиром и малым Хужиром, на острове Ольхон. Мои глаза, закалённые годами духовных поисков, жаждали увидеть не просто действие – его суть.

Шаманизм никогда не был моей страстью. Пара прочитанных книг, несколько прослушанных лекций – не более чем интеллектуальное любопытство. И все же... Во всех культурах мира прослеживалась одна и та же нить: звери -проводники, духи природы, врата между мирами. Теперь мне предстояло увидеть это своими глазами.

Но самое интересное началось, когда я перестал быть просто наблюдателем.

Число семь. Моя судьба отмечена этой цифрой с рождения 7 марта. Семь лет обучения. Семь ключевых посвящений. И вот теперь – седьмого августа – мне предстояло пережить опыт, который перевернёт все моё понимание реальности.

Когда зазвучали первые удары бубна, я почувствовал, как что-то во мне откликается на этот ритм. Это было похоже на давно забытую, но такую родную мелодию. Моя способность видеть за гранью обычного – плод многолетних магических практик – вдруг обострилась до предела.

Я наблюдал не просто за шаманами. Я видел, как пространство вокруг них начинает искривляться, как воздух наполняется чем-то... живым. Но самое удивительное – я осознал, что кто-то или что-то наблюдает за мной в этот момент. Этот незримый свидетель моего пробуждения словно подталкивал меня к чему-то важному.

В тот день я пришёл на праздник как зритель. Ушёл – изменившимся навсегда. Число семь снова выполнило свою работу. Но это было только начало...

Шаманы заняли свои места в священном кругу, окружённые ритуальными атрибутами, которые казались мне одновременно древними и вечно новыми. На столиках лежали предметы силы – пожелтевшие кости, пучки засушенных трав, камешки необычной формы. Но моё внимание привлекли пиалы с мутноватой жидкостью – дверьми в иные состояния сознания.

Когда началось камлание, воздух застыл. Шаманы лили молоко особыми движениями, бормоча слова, смысл которых ускользал от моего понимания, но отзывался где-то в глубине души. С каждым новым действием их облачения обрастали новыми деталями – перьями, бубенцами, лоскутами цветной ткани. Казалось, они не просто одеваются, а постепенно превращаются в кого-то другого.

За огороженным пространством виднелась берёзовая рощица – живой алтарь тюркских духов. На стволах трепетали разноцветные ленточки, каждая – как завязанная молитва.

Шаманы закружили вокруг берёз посолонь, их бубны выбивали ритм, который входил в резонанс с моим сердцебиением.

Именно тогда я почувствовал первые изменения. Тонкий дождь, начавшийся внезапно, казалось, был не водой, а сгустившимся временем. Воздух стал вязким, белесо – синим, как молоко, смешанное с чернилами. Он давил на грудь, затрудняя дыхание, но шаманы и их помощники двигались легко, будто для них законы физики перестали действовать.

Когда они сели на табуретки и начали бить в бубны, что-то во мне сломалось. Ритмы, сначала разные, вдруг слились в один пульсирующий поток. Я почувствовал, как снизу, от земли, поднимается волна жара, а сверху, с неба, струится ледяной поток. Они двигались навстречу, сжимая меня в тисках.

Внезапно пространство вокруг моего тела исказилось – золотистые лепестки энергии закружились, образуя защитный кокон. Но защита ли это? Или что-то совсем иное? Моё сердце бешено колотилось, пытаюсь вырваться из груди, а в ушах стоял гул, в котором я с трудом различал удары бубнов.

Воздух дрожал от тихого гула бубнов, а дым священных трав стелился по земле, словно живой. И вдруг – будто с самых небес – сквозь дырявое покрытие начали просачиваться капли... но не воды, а чего-то иного: прозрачно – белых, светящихся изнутри, как слезы луны. Они падали сверху медленно, словно пушинки, но целенаправленно – прямо в темя каждого сидящего шамана.

Проникая внутрь, эти жемчужные капли растекались по жилам, наполняя тело тёплым, пульсирующим светом – будто вливали в плоть саму душу ветра. А те, что не нашли своего пути, не исчезли... Они опустились у берёзовой рощи, мерцая, как зимний иней на солнце. Их становилось все больше – сотни, тысячи, – и вот они начали сливаться.

Сначала это была просто бело-серая дымка, но затем... Затем она обрела форму. Нет, не одну – множество. Вот проступили очертания волков с изогнутыми спинами, вот замерли совы с распахнутыми крыльями, вот извилились рыбы с чешуёй, словно отлитой из серебра. Деревья, которых не было в этой роще – искривлённые сосны с корнями –щупальцами, гигантские папоротники, цветы с лепестками, как языки пламени. А еще... что-то иное. То, чего никто никогда не видел: то ли тени существ, забытых временем, то ли лики тех, кто ещё не пришёл в этот мир.

Они шевелились без звука, переливаясь, как вода в забытом озере, и от них веяло чем-то древним – таким, от чего сжималось сердце.

И тогда случилось немыслимое – взгляд шаманки, той самой кудрявой женщины в очках, пронзил меня насквозь. В тот же миг встречные потоки энергии столкнулись в районе солнечного сплетения, и мир взорвался светом.

Столкновение энергий ударило по мне, как удар молнии. Моё тело выгнулось в неестественной судороге, кости затрещали, будто готовые разлететься на части. Из горла вырвался хриплый крик, который я не мог контролировать – голос, принадлежавший не мне.

Перед глазами поплыли видения:

–Бескрайняя степь, пронизанная молниями

–Стая воронов, кружащая над священной горой

–Древний старец с глазами, как две полные луны

Я чувствовал, как что-то входит в меня через макушку – поток золотистого света, наполняющий каждую клетку. Одновременно из стоп в тело вливалась тёмная, густая энергия земли. Они смешивались в районе сердца, создавая вихрь невероятной силы.

Шаманка не отводила взгляда. Её губы шевелились, но слова тонули в грохоте бубнов. Я вдруг понял – она не просто смотрит на меня. Она видит меня. Настоящего. Того, кто прячется за слоями повседневности.

Моё тело начало двигаться само по себе – резкие, порывистые движения, будто кто-то дёргал за невидимые нити. Руки сами сложились в странные жесты, язык произносил незнакомые слова. Я стал проводником для чего-то древнего и могущественного.

Вдруг все прекратилось. Тишина.

Я стоял, обливаясь потом, дрожа всем телом. Шаманка улыбнулась и отвернулась, будто ничего не произошло. Бубны продолжали бить свой ритм, но теперь он звучал для меня иначе – как знакомый напев, который я знал всегда, но только сейчас смог услышать.

А где-то в глубине души уже звучал зов новой дороги...

И вдруг – тишина.

Абсолютная. Глубокая. Будто мир замер в ожидании.

Когда я пришёл в себя, первые слова, которые я услышал:

–Вы шаман?

Я не нашёл что ответить. Подняв голову, увидел шаманов – их глаза, скрытые под традиционными повязками, горели белым светом. Не просто белки – чистый, слепящий свет, будто за веками скрывались маленькие солнца.

Тело успокаивалось постепенно. Жажда была невыносимой – две бутылки воды исчезли мгновенно, выпил жадно их, но не принесли облегчения. И так же внезапно, как появилась, жажда прошла.

Уходя, я чувствовал странную смесь опустошённости и наполненности. Как будто что-то старое умерло, а что-то новое только родилось. Этот опыт стал важной вехой на моем пути, начатом ещё в 2017 году в Украине – пути Стяжания Духа Святого.

Но самое главное – я понял, что это только начало. Дверь открыта. И кто знает, какие ещё откровения ждут впереди...

Когда мы уходили с праздника, товарищ спросил:

–Ты в порядке? Ты странно выглядишь.

Я лишь покачал головой. Как объяснить то, что не понимаешь сам? Одно я знал точно – этот день разделил мою жизнь на "до" и "после". Число семь снова проявило свою магию.

Откровение небес

5 августа 2023 года стало поворотной точкой моего пути. Дата пришла ко мне во сне – голос, знакомый до мурашек, тот самый, что когда-то сказал: "Возвращайся, тебе ещё не время". Теперь он шептал: "Пятое августа. Тайлаган. Твой путь продолжается там".

Каждый год, когда луна достигает определённой фазы, между Хужиром и Малым Хужиром происходит нечто необъяснимое. На поляне 150 на 100 метров, огороженной верёвкой, шаманы проводят Тайлаган – праздник, где стирается грань между мирами. Две вековые сосны стоят как немые стражи этого места.

Я снял комнату в Хужире у женщины. "Остров либо лечит, либо добывает", – сказала она, вручая мне ключ. Её слова оказались пророческими.

В ночь на 30 июля мир рухнул. Алина кричала, швыряя наши фотографии нашей с ней жизни – тот день на в лесу, вечер у костра, утро на рыбалке. "Ты выбрал духов вместо меня!" Её голос резал, как ледяной ветер. Я молча собирал осколки нашего счастья.

На следующий день я закрыл торговую точку. Замок щёлкнул с окончательностью приговора. Светогор должен был приехать к празднику, но его телефон молчал.

Я бродил по острову, как тень. Рыба не клевала – будто Байкал отвернулся от меня. В лесу попадались только червивые грибы. Даже солнце, обычно ласковое, теперь обжигало кожу.

Утро 5 августа. Я пришёл первым. Две сосны -великана стояли, упираясь вершинами в низкое небо. Вдруг знакомый голос:

"Опоздал на паром?"

Светогор. Его выгоревшие на солнце волосы, потрепанный рюкзак, улыбка, в которой читалось: "Я знал, что ты здесь будешь".

Первый удар бубна прозвучал, как выстрел. Шаманы начали движение – резкое, порывистое, будто ими управляли невидимые нити. Главный шаман, маленького роста, с седой бородой, вывернутой мехом наружу, повернул к нам своё морщинистое лицо.

"Пришло время", – прошептал Светогор.

Мы договорились держаться рядом, но не мешать друг другу. Я попросил его быть начеку – после того, что случилось в прошлом году, мне нужна была подстраховка. Светогор только кивнул, его глаза блеснули странным блеском.

Праздник начался с рассказа ведущего о традициях Тайлагана. Пятьдесят – семьдесят шаманов заняли свои места за священной изгородью, отделяющей наш мир от их мира. Я приготовился к повторению прошлогоднего опыта, но Вселенная приготовила другой сюрприз.

Когда началось облачение шаманов в ритуальные одежды, моё внимание привлёк один из них – высокий мужчина в серой шелковой рубаше, сидевший у самого входа. Над его головой внезапно возникло свечение.

Это не было похоже на прошлогодние видения. Над шаманом, на высоте трёх-пяти метров, зависла горизонтальная светящаяся труба. Она переливалась цветами утренней зари – золотым, алым, белоснежным. Внутри чётко просматривались геометрические фигуры – квадрат, прямоугольник, другие формы, которые я не успел разглядеть.

От основания трубы к темечку шамана тянулся светящийся треугольник, словно канал связи между мирами. Все это длилось не более трёх секунд, затем видение растворилось в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое дрожание пространства.

Я замер, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Светогор, стоявший рядом, судорожно сжал моё плечо.

– Ты это видел? – прошептал он.

Я только кивнул, не в силах вымолвить слово. В этот момент главный шаман ударил в бубен, и праздник продолжился, но я уже знал – сегодня произойдёт что-то важное. Что-то, что изменит все.

В тот момент, когда помощники облачали его в ритуальные одеяния, наши взгляды встретились. В его глазах – нечеловеческая глубина, будто за ними стояли целые поколения шаманов, наблюдающих за мной сквозь время.

Бубны забили чаще. Ритм проник в кровь, в кости, заставил тело двигаться помимо воли. Я раскачивался, чувствуя, как сознание начинает плыть.

Шаманы один за другим входили в транс. Тот, в серой шелковой рубаше, задвигался первым – его движения стали резкими, угловатыми. Помощники едва поспевали подавать ему ритуальные предметы.

Когда он развернулся ко мне, мир перевернулся.

Его глаза горели белым светом. Буквально – из глазниц лился золотистый свет, как из раскалённой печи. В тот же миг моё тело содрогнулось в судороге.

Внутренняя дрожь началась с солнечного сплетения, мгновенно охватив все тело. Кожа горела, будто меня действительно выворачивали наизнанку. Из горла вырвались странные слова – язык, которого я не знал, но который понимал.

Я застыл в неестественной позе:

–Ноги выпрямлены в струну

–Спина выгнута дугой

–Ладони впились в колени

–Тело тряслось с такой силой, что кости стучали друг о друга. Казалось, ещё немного – и я развалюсь на части. Но странное дело – в этом состоянии я чувствовал защиту. Будто невидимые руки держали меня, не давая упасть.

А в голове...

В голове вспыхивали образы:

– Дорога во Владивосток – каждый поворот, каждая выбоина

– Мой проект – теперь ясно видимый до мельчайших деталей

– Люди, которых мне предстоит встретить – их лица, голоса, даже запахи.

Все это было настолько живым, что затмевало реальность. Я видел своё будущее – не как туманную возможность, а как готовый путь, который оставалось лишь пройти.

Когда удары бубнов стихли, меня отпустило мгновенно – как будто кто-то перерезал невидимые нити. Я очнулся, но с кристальной ясностью в голове.

Светогор, бледный, протянул мне руку:

– Ну что, шаман? Понял, куда идти?

Я кивнул. Теперь знал.

Я отошёл от толпы, делая глоток тёплой воды из бутылки. Прошлогодний опыт научил меня – после таких видений нужно дать себе время прийти в себя.

И тут она появилась.

Белая. Совершенно белая, как первый снег. Шерсть – мокрая, будто только что вышла из Байкала, нос – розовый, почти красный. Я даже достал телефон, снимая это невероятное создание – настолько оно казалось нереальным.

Собака, которой я никогда не видел в Хужире. На ошейнике – заламинированная бирка с цифрами. Чья-то? Или...

Она свернулась кольцом вокруг моих ног. Тёплая, живая. Потом переползла к левой ноге и легла, будто охраняя. Три минуты тишины в эпицентре шаманского буйства.

Когда мы встретились глазами – её янтарные зрачки смотрели сквозь меня. Не на меня – в меня. Как будто проверяла: "Ты понял? Ты готов?"

Потом встала и растворилась в толпе, будто её и не было.

Я вошёл в хоровод вокруг священного огня, бросая в пламя приношения – пряники, печенье. Три круга – и душа наполнилась непривычным покоем.

Мы остались до конца, пока шаманы не начали хлестать желающих берёзовыми вениками, смывая с них груз мирской жизни. Но я уже был чист – белая вестница сделала своё дело.

– Поехали? – Светогор тронул моё плечо.

Так же, как и пришёл пять лет назад – с рюкзаком за плечами, я покидал Ольхон. Пять лет. Любовь. Боль. Потери. Обретения. Целая жизнь, уместившаяся между двумя парами.

Алина... Благодарю тебя.

Машина тронулась, и в зеркале заднего вида на миг мелькнуло что-то белое. Но когда я обернулся – там была только пыльная дорога, убегающая к священному озеру.

Отступление... 2024 год застал меня снова на Ольхоне. Остров, будто живое существо, не отпускал – тянул к себе невидимыми нитями. Тайлаган ждал меня в третий раз, и на этот раз я пришёл не как наблюдатель, а как искатель истины.

Мыс Бурхан в утреннем тумане напоминал спящего дракона. Я стоял у его подножия, чувствуя, как древние знания медленно просачиваются в сознание:

Третий Тайлаган – последнее испытание

Благословение духов Сибири – не подарок, а ответственность

Дорога на Владивосток – лишь начало пути.

Во время обряда произошло нечто странное. Когда шаманы начали бить в бубны, я увидел, как от священной берёзы отделилась тень и двинулась ко мне. Не испугался. Знал – это не дух смерти, а вестник.

"Ты утвердишь забытое", – прошептал ветер. Я понял – речь о древней вере, о Роде Всевышнем, о той истинной Любви, что создала миры. Не о религии, а о знании, которое было до религий.

После обряда, когда последние звуки бубнов затихли, я вышел на берег Байкала. Вода была холодной, но я вошёл в неё, чувствуя, как:

Прошлое смывается, как песок с ног

Настоящее становится чётким, как утренний воздух

Будущее раскрывается, как цветок папоротника

Мой проект, моя миссия – не просто слова. Это концы мироздания, которые должны вернуться на землю Святой Руси. Не слепая вера, а знание, пережитое в каждой клетке.

Благословение духов

Твёрдое знание пути

Силу, чтобы нести Любовь и Добро

Моя же дорога вела вперёд – через тайгу, через годы, через испытания. К той России, что должна возродиться из пелена забвения.

Путь во Владивосток.

15 августа 2023 года. Утро встретило меня хрустальным воздухом, напоенным ароматом пробуждающейся тайги. Я вышел из Иркутска налегке, хотя мой рюкзак весил все 17 килограммов. Путь лежал к Слюдянке, а оттуда – к заветному пику Черского. Этот маршрут я вынашивал в мыслях долгими зимними вечерами, как драгоценный камень, что теперь предстояло огранке.

Слюдянский вокзал встретил меня переливами утреннего света на мраморных стенах. Белый камень сиял, словно первый снег, а красный – дышал теплом земных недр. В зале минералов я замер у витрины с лазуритом – его глубокая синева напомнила мне глаза Байкала в предрассветный час. На экране плавно сменяли друг друга кадры: нерпа, скользящая в толще вод, кедр, качающийся на ветру, облака, бегущие по гребням Хамар-Дабана.

К полудню я уже ступал по тропе, ведущей к пику. Солнце играло в каплях на молодой хвое, рассыпая по пути алмазные брызги. Каждый шаг открывал новую грань пробуждающейся природы:

Родники, будто серебряные змейки, выскальзывали из-под камней и убежали вниз по склону

Горная речка переливалась всеми оттенками голубого – от нежного аквамарина до глубокого индиго

Мох на валунах мягко светился изумрудным бархатом, маня прикоснуться

Встречные путники обменивались скупыми, но тёплыми приветствиями. Мы не говорили много, но в этом молчаливом братстве странников было больше понимания, чем в тысячах слов.

Последние километры дались нелегко. Рюкзак, казалось, налился свинцом, а ноги превратились в каменные столбы. У болота, где воздух звенел от весенних ручьёв, я встретил группу детей из Омска. Их смех, чистый и звонкий, как горные ключи, внезапно вернул мне силы. Они показали дорогу, и я двинулся дальше.

На повороте тропы меня ждала неожиданная встреча – лошадь, вышедшая из чащи. Её тёмные глаза смотрели с бездонной мудростью, а грива переливалась на солнце, как струящийся водопад. Рядом стоял метеоролог, работник станции. Без лишних слов он понял мою усталость и проводил до места.

Место для ночлега оказалось удивительным – мягкий ковёр из мха и черники, где каждая ягода в свете фонаря превращалась в крохотный рубин. Пока я устанавливал палатку (впервые в жизни, ведь купил её всего четыре дня назад), дождь начал стучать по тенту, словно природа убаюкивала усталого путника.

Ужин из полупачки пряников и горсти ореховых конфет показался мне царским пиром. В спальнике, под монотонный шум дождя, я открыл блокнот. И вдруг... вспомнил. Тот случай из прошлого, что теперь обрёл новый смысл.

Воспоминания... 2012 год. Два месяца непрерывного стресса. Два месяца боли, когда я ушёл от них – от крошечной дочки и гражданской жены. Но больше всего ранило не расставание, а страх в её глазах. Она боялась меня. Не понимала.

Мои слова странным образом материализовались сразу же или через несколько дней. Я касался её висков – и головная боль исчезала. Проводил рукой по спинке ребёнка – и через полминуты он затихал, погружаясь в сон.

Память моего рода медленно просыпалась во мне. Я чувствовал это – как будто что-то древнее и забытое шевелилось в глубинах сознания. Я был готов. Но к чему?

Начались метаморфозы.

Если меняется внутреннее – меняется и внешнее. Мир обретал новые краски, новые измерения. То, что прежде казалось цельным, теперь распадалось на глазах, растворяясь в метафизической реке из атомов. Чем плотнее была форма, тем сильнее хотелось разобрать её на части, понять изначальную суть.

Дома, люди, машины, деревья – всё становилось вязким, податливым. Мои мысли проникали сквозь поверхность вещей, достигая самой их сердцевины. Это пугало.

Я ловил себя на мысли: "Я схожу с ума?"

Но нет.

Мир не изменился.

Изменялся я.

И теперь всё вокруг было другим.

Дневник восхождения

От базы до пика – всего пять километров. Казалось бы, рукой подать. Но с вчерашней ночи дождь стучит по ткани палатки, не переставая. Уже полдень шестнадцатого, а он всё льёт и льёт. Смс-оповещение предупреждало: «15-16 числа в Приангарье – дожди, усиление ветра».

Рад, что палатка не протекает. Уютный кокон посреди размокшего мира. Жду. Жду, когда небо разомкнёт объятия, чтобы совершить восхождение. Дойти до места, где ещё не ступала моя нога. Исполнить первый этап в Стяжании Духа Святого...

Сегодня не получилось. Но завтра – обязательно. Договорился с мужиками оставить у них рюкзак, пойду налегке. Пять километров – не шутка, особенно по извилистой тропе. А сил мало – еды с собой почти нет. Вокруг палатки собирал горсть черники, но это не еда, а так – отвлечение для вкуса.

Мужики позвали на чай. Сергей, тот, что постарше, накормил рисом с грибами и тушёной говядицей, кажется. Я и забыл, какая она на вкус. Вчера он уже звал, но мне было неловко принимать помощь. Я редко прошу. Только когда совсем припрёт – когда понимаю, что сам не справлюсь.

Один из законов магии гласит: «Не проси никого ни о чём. Делай сам. И тогда задуманное свершится в срок, наполненное твоим искренним желанием». Просить – только в крайнем случае. И так, чтобы потом не возникало долгов. Иначе – кармические узлы, переплетения судеб на воплощения вперёд.

Единственный способ избежать этого – Договор Душ. Не просто слова между людьми, а тихий разговор в глубине, где нет обмана. Этому учился долго. Может, опишу когда-нибудь – в этой книге или следующей.

Сергей отказался от денег. От лечения тоже. А я привык платить – особенно последние десять лет, с тех пор как начал постигать магию. Чтобы не оставлять следов. Научился

«чистить» карму, «растворять» её, сводить к нулю. Многие не поймут. Но это и не важно. Моя дорога – к свету.

Кто-то найдёт в этих записях что-то своё. Кто-то откроет в себе то, что дремало глубоко внутри – в Душе, в сердце, в уме. А если пройдёт этим путём – обретёт свою Силу. Ту, что сделает его властелином собственной судьбы.

Магия мастерства

Есть в этом мире те, кто способен делать нечто лучше других – быстрее, изящнее, виртуознее. Повара, чьи блюда пробуждают восторг даже у сытых. Врачи, чьи руки творят чудеса. Механики, понимающие машины как живых существ. Мастера, один на тысячи.

Так и здесь.

Я – мастер мира незримого. Магия – Могу Я. Того, что нельзя потрогать, но многие о нём знают. Того, что скрыто за пеленой обыденности, но влияет на всё.

Дорога к пику началась с affirmаций.

Шаг за шагом, повторял про себя:

Что я должен сделать?

Как я должен это сделать?

О чём думать?

Какие слова шептать Вселенной?

Я говорил с Родом, с Всевышним, с Творцом, с Духом, с Любовью – со всем, что есть в этом мире и за его пределами. Учился видеть, замечать, воспринимать, запоминать.

Этому научился давно – ещё в 2017-м, когда отправился в своё первое странствие на Алтай. Но об этом – позже.

А сейчас – я поднимаюсь на пик Черского.

Выше. Только выше.

17 августа 2023 года

Вышел в путь в 10:30, налегке. Взял лишь литр воды – набрал из импровизированного колодца (кто-то вырыл яму, и там скопилась чистая влага). Рюкзак оставил на станции – Сергей посоветовал просушить его на солнце после вчерашнего дождя. Он же объяснил дорогу: где повернуть, где передохнуть, куда смотреть под ноги.

Моё восхождение началось.

От метеостанции до вершины – пять километров (хотя Сергей уверял, что четыре). Дорога петляла серпантинном вверх – камни, глина, мелкая галька, всё перемешано. Но тропа натоптана за десятилетия – тысячи ног прошли здесь до меня.

Шёл, размышлял, останавливался передохнуть. Пил воду по глотку, иногда подкреплялся черникой. Встречал людей – то поодиночке, то группами. Заметил странное: несколько раз попадались двое мужчин и одна женщина. Почему так? Загадка.

Самый опасный участок начался у дерева, обвязанного лентами, с монетами у корней (жертва духам). Тропа резко ушла вверх. Камни – сухие, глина – скользкая от недавнего дождя. Но не это тревожило. После очередного падения (расцарапан локоть, колено ноет) задумался: смогу ли идти дальше?

Обувь моя – не для гор. Для просёлочных дорог – да, но не для крутых склонов. Да и левая нога... старая проблема, родовая. Сколько раз подворачивал! Когда устаю, переносу центр тяжести, чтобы не хромать.

Упал. Отряхнулся. Сказал себе:

– Вперёд. Только вперёд. Никакой жалости.

Ушибы – ерунда, кровь не хлещет. Цель – достичь вершины.

Ты, Святодар, встал на путь Стяжания Духа Святого.

С каждой секундой Сила в тебе растёт.

Путь труден? Пусть.

Раствори страх в потоке Любви – той, что рушит горы.

Ты поставил цель. Достигнешь.

Повторял это – и страх испарился. Дрожь в ногах прошла, мышцы перестали сводить. Да, раньше ходил больше, странствовал, искал... но это – новый рубеж.

Поднялся выше. Увидел пик. Меня обогнали две девушки – спортивные, крепкие, с ровными спинами. Разговорились. Показали склон, перемышку, сам пик. Они ушли вперёд, а я приостановился – нога ныла, чуть подвернул её. Но продолжал.

Дошёл до скалы с красным флагом (кто-то воткнул его тут). Дальше – узкий перешеек. Натянут трос – держись руками, цепляйся карабином. Справа – пропасть. Слева – пропасть. Красота... и адреналин.

Сто метров? Может, меньше. Но напряжение – в теле, в уме – запредельное. Первый раз на такой высоте.

Прошёл.

Начал карабкаться по камням. Ветер усилился. 2060 метров над уровнем моря.

13:30 – вершина.

От радости вскрикнул:

– Я победил! Достиг! Смог!

Счастье переполняло. Порхал, как птица. Вдалеке засиял Култук, Батюшка Байкал. Величественный, бескрайний, божественный. Чудо природы. Жемчужина России. Сокровище Земли. Нет слов, чтобы описать его красоту.

И вдруг – две слезы. Не от сентиментальности. Нет. Душа очистилась. Что-то вышло наружу, растворилось в свете. Стало легко, светло, благостно.

Сел на лавочку (их тут несколько), лицом к солнцу. Закрыв глаза, поблагодарил за этот день – за радость, за любовь, за силу.

И полетел.

В мыслях парил над горами, хребтами, реками, водопадами... над всей Землёй. А потом вернулся. К себе. К тому, к кому шёл всю жизнь.

– Благодарю, Судьба.

Дар

Понял, что ко мне вернулась Сила, когда на ладонь села рыжая бабочка.

Сидел в священном состоянии, руки раскинув, ладонями вверх —впитывал солнце. И вдруг – лёгкое щекотание. Открыл глаза: крошечное крылатое чудо на моей руке.

– Как она сюда забралась? Высота, ветер, холод... а она – здесь.

Посидела минуту, коснулась меня... и вспорхнула в синеву.

Встал, поблагодарил вершину. Собирался уходить – вдруг шорох.

На кусте, в двух шагах, сидела дикая птица. Крупная, пёстрая – точно не воробей. (Улыбнулся).

Она чирикнула пару раз – будто поздоровалась. Пока доставал телефон – расправила крылья и исчезла.

Знаки.

Они всегда приходят.

Когда ты – на своём пути.

Спускаться начал бодро, но вскоре сбился с тропы – свернул не туда, и знакомый серпантин куда-то исчез. Вместо него – узкая дорожка, поросшая кустарником, то ныряющая в чащу, то резко уходящая вбок. Видно, ходят здесь редко.

И тут – находка: дождевик цвета индиго, аккуратно сложенный в чехле. Поднял, взял с собою. Через полчаса он понадобился – небо нахмурилось, и заморосил дождь.

– Забавно, – подумал я. Сюжет начал разворачиваться.

Продираясь сквозь ветви, услышал резкое чириканье. На старой сосне, на одной ветке, сидели четыре сойки – чёрные, с голубыми искорками на крыльях. Смотрели на меня, переговаривались, будто обсуждали: "Куда это он забрёл?"

Выбрался к знакомому дереву с лентами – и облегчённо вздохнул. Теперь дорогу знал.

Дождь усиливался. Спускаясь ниже, увидел: мелькнул рыжий хвост – белка перебежала тропу. А чуть дальше, на краю дороги, сидел бурундук – полосатый, с пушистым хвостом – веером. Увлечённо набивал щеки, запихивая в рот что-то из передних лапок. Заметив меня, замер на секунду – и шустро рванул в кусты.

Накрапывало уже сильнее. Поднял голову, чтобы оценить тучи – и застыл.

Над вершинами парил орёл.

Могучий, почти неподвижный в потоке ветра. И вдруг – издал звук. Не крик, а что-то горланное, глубокое, будто приветствие или предупреждение.

– В живую слышу впервые, – осознал я. До этого – только в фильмах.

И тут же лес ожил: птицы в кронах защебетали тревожно, загалдели, будто передавая весть.

Дорога полна чудес.

И каждый из них что-то значил.

Спуск занял час сорок. Дождь к тому времени уже всюю накрапывал, а к метеостанции я подошёл под первые раскаты грома.

Сергей, предупредительный, убрал мой рюкзак и рубаху под крышу – вещи почти просохли. Встретил меня ароматным супом, а потом напоил компотом из черники – таким густым, сладким, с лёгкой кислинкой, что давно ничего вкуснее не пил.

Поблагодарил его от души, перекинул рюкзак на плечи – и снова в путь.

А дождь усиливался.

Сначала редкие капли, потом чаще, звонче, и вот уже гром грохочет где-то над хребтами. Я прибавил шаг. Тропа вниз превратилась в мокрый поток – ручейки бежали по камням, глина размокла и стала коварно скользкой. Пару раз едва удержал равновесие, но устоял.

Встречные люди мокли так же, как и я – в дождевиках, с каплями на ресницах, устало улыбались: "Ну что, взял вершину?"

Спускаться, конечно, быстрее, чем подниматься.

Но опаснее.

Каждый шаг – контроль, каждое движение – расчёт.

А где-то там, наверху, орёл ещё кружил в дождевой мгле.

И я шёл по намеченному пути – промокший, уставший, но счастливый.

Ночёвка у реки

Нашёл идеальное место – круглая поляна у горной реки. Справа – стремительный поток, шумный, пенящийся, сбегаящий с высот. Слева – белая гора, словно вырезанная из голубого кальцита. Красота неземная.

Пока ставил палатку, вспомнил подвёрнутую ногу. Боль была особенной – будто пронзала весь мой род по отцовской линии.

Тяжесть поколений

Годы духовных поисков, погружения в глубины рода, открыли мне: больная спина – не только моя. Она была у отца, деда, прадеда...

Огромную ношу взвалили на себя мои предки, став хлеборобами, крестьянами. Но так было не всегда.

В прошлом, чтобы выжить, чтобы их не уничтожили как знахарей, ведающих, хранителей древних знаний, передаваемых из уст в уста, они сменили род деятельности. Но не забыли предназначения.

Переселились из России в полесские земли (нынешняя Украина).

Энергетический груз

Эта тяжесть – не просто физическая. Она давила на позвоночник, где проходят энергетические каналы нисходящего и восходящего потоков.

Так происходит, когда род отходит от своего пути.

Родовые травмы настигают – грузом невыполненного, судьбой, предрешённой тяжестью неподъемных обязательств, невыполнимых по карме.

Эти знания пришли ко мне:

–из семейных легенд,

–из анализа судеб предков,

–из видений в священных состояниях.

Теперь я распутываю эти узлы.

И с каждым шагом, с каждым осознанием, род мой становится легче.

А белая гора молчаливо напоминает: истинный путь – всегда с тобой.

Возвращение в цивилизацию.

Спустившись в Слюдянку, я направился к набережной Байкала. Озеро встретило меня тишиной – ни ветра, ни волн. Вода прозрачная, тёплая, словно живое серебро. Скинул одежду, окунулся с головой, смывая с себя пыль пути и усталость.

Палатка стала моим коконом. Забрался внутрь, закрыл глаза, начал выстраивать маршрут.

Дальше – Владивосток. По дороге нужно зайти к двум товарищам:

Александру в Бурятии,

Евгений – в Хабаровске.

И тут картинки поплыли перед глазами...

Странное состояние

Тело ломило, будто раскалённый металл пульсировало в мышцах. Кожа горела, суставы ныли от непривычной нагрузки. Но голова...

Голова была кристально чистой.

Мысли – тихие, ясные, будто отшлифованные. Ни суеты, ни хаоса.

А потом... начались видения.

Откровение для Александра

Я увидел метод исцеления – точный, как чертёж.

Александр недавно получил диплом костоправа, но ему не хватало чего-то важного.

То, что пришло ко мне, дополняло его знания.

Физическое тело, плюс тонкий план.

Кости, плюс энергия.

Боль, плюс освобождение.

Я обязан передать ему это.

Байкал как зеркало

Вход в палатку был открыт.

Прямо передо мной – Байкал.

Огромный.

Тихий.

Вечный.

И в этой тишине мои мысли унеслись в прошлое...

Воспоминания...Лихие девяностые. Я лежу на операционном столе, под алкогольным опьянением – наркоз не берет. Пять часов провалов в сознание: каждый раз, когда возвращаюсь, чувствую, как в животе копошатся чужие пальцы, режут, шьют, тычут. Четыре миллиметра до сердца – смех судьбы.

Кровь уходит. Я тону в черноте, но смерти нет – только голос. Женский. Теплый. "Тебе ещё не время".

Очнулся в пустой палате. Рот пересох до спазмов, пить хочу сильно. На тумбочке – банка с прозрачной жидкостью. Два глотка. Первый – огонь в глотке. Второй – тьма. Медицинский спирт, протирали женщину, лежащую возле меня.

Двое суток мёртв.

Возвращаюсь – и мир уже не тот.

Мать сидит у койки. За неделю она постарела на десять лет. Я смотрю на её руки – дрожат. На глаза – в них поселилась новая глубина, как будто она увидела что-то, чего нельзя забыть.

Я учусь ходить заново. Каждый шаг – боль. Каждое движение – преодоление. Но это не самое страшное.

Хуже – то, что я теперь вижу.

Тени в углах палаты. Врачи, медсёстры – будто куклы, пустые внутри. Время то растягивается, то рвётся. Иногда я "выпадаю" – на секунду, на минуту, – и возвращаюсь с ощущением, что где-то там, в этом провале, мне что-то показали. Что-то важное.

Девяностые кончились. Я выжил.

Но с тех пор ношу в себе две раны – под ребром и в душе.

И этот голос...

Он до сих пор со мной.

Слюдянка осталась позади. На повороте перед крутым подъёмом остановил машину – и тут же судьба подбросила попутку. Молодая пара в старенькой иномарке. Шёл бы пешком, но дорога узкая, с отбойником – не пройти. Подвезли километров тридцать, высадили у придорожного кафе.

Два часа в ожидании – и вот удача: фура с приветливым водителем. Николай – имя его. Разговорились в пути. Украдкой «построился» его – в благодарность за подвоз рассказал, как выгнать из организма незваных гостей. Гельминты в кишечнике, следы старой желтухи в печени – всё как на ладони. Объяснил про соду, про очищение от шлаков. Он слушал внимательно, кивал – видно, прислушался.

Дорога пролетела незаметно. На месте расстались тепло – я с благодарностью, он с новыми знаниями.

Александра ждал недолго. Когда он подъехал, поздоровались крепко как мужчины. Отправились на его дачу. Позже приехали его родители, затопили баню.

А в этот день у моей жены Алины был день рождения.

Александр знал её – познакомились ещё на Ольхоне, иногда созванивались. И вот так вышло, что я взял его телефон... и позвонил ей.

Пять лет.

Пять лет жизни – не вычеркнешь. Неважно, что было между нами – это опыт. Опыт Души. А любой опыт важен, особенно когда знаешь, что такое разговор с Душой.

Баня была маленькая, уютная, растоплена на славу.

Пар выбивал из меня всю дорожную грязь – и физическую, и душевную. Пот лился рекой, вымывая усталость от восхождения, молочную кислоту, боль в мышцах.

Но внутри – пустота после разговора с женой.

Комок в горле.

Злость.

Клокотание, которое вот-вот рванёт наружу.

Но контроль.

Я знаю себя. Знаю, на какие разрушения способен, если сорвусь.

(Об этом расскажу позже, на привале.)

В перерывах между заходами рассказал Александру о видении – о технике исцеления, которая пришла ко мне там, у Байкала в священном состоянии.

Он понял с полуслова.

Ведающий.

Посольский монастырь и танец скрытых душ

На следующий день мы отправились к Байкалу. Посольский Спасо -Преображенский монастырь – белоснежный, ухоженный, величественный. Стены, выбеленные до ослепительной чистоты, отражали солнце, а купола сияли над водой, будто говоря: здесь земное встречается с небесным.

Гуляя по берегу, я заметил движение со стороны монастырского кладбища. Трое. Один отошёл в сторону, закурил, двое других подошли к кованой ограде.

Замерли в странной позе:

– нога на парапете,

– рука вытянута вперёд,

– голова тяжело опущена на ладонь.

Внизу – бирюзовая гладь Байкала, сверху – бесконечное небо. А они смотрели вдаль с таким отчаянием, будто ждали, что вода вот-вот вернёт им что-то утраченное.

И тут я увидел “внутренним взором” то, что скрывала их монашеская ряса.

Под тканью что-то двигалось.

Круглое, беспокойное.

Будто вторая голова, заточённая под одеждой, рвалась наружу. Металась из стороны в сторону, тыкалась в швы, пыталась прорвать ткань – вырваться к свету, к ветру, к этой воде, к свободе.

А эти двое стояли недвижимо, словно статуи скорби, придавившие свою плоть весом молчания.

Третий докурил. Кивнул.

Они ушли.

А я остался с одной мыслью:

Душа всегда хочет свободы.

Даже если её заперли под рясой обета.

На следующий день мы нашли укромное место – старое кладбище, куда он меня привёл. Ему понравилась эта мысль.

Он показал мне могилы своих предков, а я раскрыл ему тайны своего искусства – ту магию, что стоит на грани Любви и Смертной Силы.

Говорил не просто словами – показывал образами, как в том откровении на вершине. Он слушал, и видно было – дошло. Понял не умом, а Душой. Теперь эта мудрость будет жить в его практике, в его руках, когда будет лечить людей.

Потом помогал по хозяйству – копать, пилить, красить, камни таскать. Казалось бы, простая работа, а какое удовольствие – чувствовать, как тело трудится, а Душа при этом спокойна.

Особенно приятно, когда делаешь добро просто так – не за долги, не за спасибо, а потому что это правильно.

Перед дорогой Саша подвёз меня к трассе.

Прощались по-мужски – без лишних слов, без слёз.

Два путника.

Два воина.

Два человека, которые поняли друг друга.

Вечерело. Я остался один – наедине с лесом, с дождливым воздухом и своими мыслями.

Позвонил Алине. Разговор вышел тяжёлый, горький. Мне хотелось вернуться – на Ольхон, посмотреть ей в глаза, найти в них то, что успокоит моё сердце. Но я знал: миссия важнее. Та, что начата давно. От неё зависит всё.

Бродил по лесу в поисках сухого места. Дожди напитали землю – в низинах стояла вода, но на возвышенностях трава была мягкой, почти не тронутой сыростью.

Грибов – море!

Белые, подосиновики, подберёзовики – будто сама земля подставила ладонь, предлагая: "Возьми, приготовь, покушай".

Нашёл полянку. Разложил палатку быстро, почти на автомате — фонарь в кармашек, нож на пояс, телефон под подушку. Всё на своих местах.

Захотелось грибной похлёбки.

Достал картошку, лук, морковку. Намазался спреем от комаров (они вились тучами), включил фонарь и полез за хворостом.

Сухие ветки не горели, а дымили – пришлось выкручиваться. Пластиковые крышки от бутылок (я всегда носил пару про запас) выручили – занялись быстро. Сверху – щепочки, потом потолще...

Костерок ожил.

Поставил на него железную кружку. Пока вода закипала, чистил, резал, крошил – картошку кубиками, лук полукольцами, морковь соломкой, грибы – как придётся.

Бульканье.

Забросил всё в кипяток. Аромат пошёл – земляной, густой.

И тут вспомнил...

Воспоминания... Сидел дома в Харьковской области и думал: мир где-то там – огромный, разный, манящий. Он дразнил меня своей неизвестностью, щекотал нервы, заставлял свербеть внутри. Хотелось сорваться, убежать, вдохнуть новое – то, чего мне не хватало. Авантюры.

Пару раз собирал вещи и уезжал – то в Харьков, то в Полтаву, то в Днепропетровск. Но везде было не по себе. Близко к дому. Близко к чему-то, что держало.

Зато читал запоем – в электричках, автобусах, в любую свободную минуту. Приключенческие романы, фантастика, детективы. Сюжеты забывались, но образы – нет. Они жили во мне: яркие, как кадры из кино.

Облака и магия воображения

В детстве все любили игру в облака – угадывать в них зверей, замки, лица. Но я пошёл дальше. Научился продолжать эти картины:

– Вот облако – медведь.

– Потом оно расплывается в батальную сцену: войска, битва, клинки.

– Ещё мгновение – и это уже спортивный матч, трибуны, азарт.

– Потом горы, леса, бесконечность...

Так во мне пробуждалась сила образа. Позже она станет основой моих магических практик. Но тогда мешала – я заикался, сыпал слова -паразиты, не мог перевести видения в слова.

В школе за сочинения ставили двойку за грамотность и пятёрку за образность. Мне было не до ошибок – гораздо важнее было выплеснуть на бумагу ту самую картину, что жила в голове.

90-е: качалка, судьба и Высшие силы

В те годы я жил спортзалом. Качался, растил массу, мечтал о сцене. Возможно, именно железо спасло меня от тюрьмы, наркомании и водки. Приучило к дисциплине, напористости, работа на результат.

Чувствовал – впереди что-то большее.

Будто кто-то наблюдал за мной, вёл, оберегал. Клиническая смерть стала точкой отсчёта – после неё я начал замечать подсказки: знаки, намёки, указания свыше.

Медленно, но верно пришёл к религии. Искал ответы.

90-е... Середина, конец. Беспощадные, прекрасные годы.

Спасибо им за этот опыт.

22.08.2023. Холодное утро на пути к Улан -Удэ.

Утро встретило ледяным дыханием – я не успел как следует согреться после ночёвки. Первые лучи солнца только начинали пробиваться сквозь туман, когда я вышел на пустынную дорогу. Стоял около двух часов, наблюдая, как редкие машины пролетают мимо, пока не остановилось такси. Водитель возвращался после заказа и согласился подвезти.

Первые километры дались тяжело – тело ещё не вошло в ритм дороги, мысли были вязкими, как утренний туман. Но постепенно разговор с таксистом растопил этот лёд. Мужчина лет сорока, с усталыми глазами, неожиданно начал рассказывать о своей десятилетней дочери, которая начала терять зрение. Врачи разводили руками – в роду таких проблем никогда не было.

Пока машина катила по серпантину, я незаметно вошёл в особое состояние, сделал "подстройку". Задавал точные вопросы, будто случайно, но каждый – как ключ к замку. Он отвечал, и постепенно перед моим внутренним взором развернулась картина: школьный стресс, сильный испуг, который девочка затаила в себе, боясь рассказать даже родителям.

– Вам нужно обратиться не только к окулисту, – сказал я, когда мы уже подъезжали к городу. – Найдите хорошего детского психолога. И поговорите с дочкой по-другому – не как врач с пациентом, а как папа с дочкой. Пусть она почувствует, что может вам доверять.

Оставшиеся километры до города я шёл пешком, чувствуя, как утренний холод окончательно отпускает, а вместе с ним – и тяжесть этого разговора. Где-то там, в Улан -Удэ, теперь есть девочка, чья судьба, возможно, только что изменила курс. А я продолжал свой путь, зная, что такие встречи – не случайность, а часть чего-то большего.

Город принял меня шумом улиц и непривычной планировкой. Центр – неожиданно компактный, но я всё равно петлял, будто в лабиринте, так и не освоив навигацию по телефону.

Музей минералов оказался маленьким, но уютным – в двух залах хранились сокровища земли: агаты с переливами, как застывшие молнии, байкальские нефриты, отполированные временем, и кристаллы, будто выточенные самой природой, чароит сиреневое чудо Сибири. Скромно, но есть на что посмотреть – особенно когда понимаешь, что каждый камень хранит в себе миллионы лет истории.

На улице пахло дорожной пылью и чем-то жареным – возможно, позже найду эту харчевню. Но сначала нужно было сориентироваться – впереди ещё дорога к дацану...

От конечной остановки пошёл пешком. Первые километры давались тяжело – тело ещё не втянулось в ритм долгой ходьбы, а рюкзак давил плечи. Останавливался, пил воду, переводил дух – и снова шёл вперёд, шаг за шагом.

Дорога вилась между гор, и в долине вдруг открылся вид на необычные дома – с ярусными крышами, резными карнизами. Один особенно выделялся – прямо сказочный терем, будто сошедший со страниц старинной легенды. Раньше я бы прошёл мимо, даже не задумавшись. Но сейчас смотрел и понимал:

Все религии, все духовные пути – нужны.

Как разные листья на одном дереве. Как трава, где каждый стебель уникален. Как звери одного вида, но с разными повадками. Человек – существо социальное, но выбирает сам: принимать ли ему правила этого мира или идти против.

Нет единой догмы. И не должно быть.

Разнообразие – вот основа бытия.

А впереди, за поворотом, уже виднелись крыши дацана.

Дорога к дацану оказалась удивительно спокойной – редкие машины, прозрачные каналы с зеркальной водой, отражающей небо. Чем ближе подходил, тем чётче вырисовывались очертания храмовых строений. Люди выходили оттуда – кто-то задумчивый, кто-то с лёгкой улыбкой.

Подошёл к воротам Иволгинского дацана уже к семи вечера. Решил не заходить – утро мудренее, да и свет уже становился мягким, золотистым. Спросил у местных, где можно набрать воды – кивнули в сторону тропы: «Там родник».

Прошёл мимо храмов, углубился в путь – и вдруг увидел рощу, увешанную белыми хадаками. Ленты развевались на ветру, будто шептали молитвы. В центре – небольшой жертвенник и родник, бьющий прямо из земли.

Вода оказалась ледяной, кристально чистой. Сделал глоток – вкус, как будто сама земля делится своей силой.

Огляделся. Тишина.

Ни души вокруг – только я, кусты с молитвенными лентами, да горы в дымке вечера.

Умиротворение, которого так не хватало в городе.

Ночь у священного родника

Разбил палатку в тени кустов, увешанных белыми хадаками. Перекусил тем, что было – простой едой, которая здесь, в этой тишине, казалась особенно вкусной. Переоделся, приготовился ко сну, но вместо того чтобы сразу лечь – прислушался.

Тишина.

Не просто отсутствие звуков – а живая, глубокая, наполненная чем-то большим.

Такое же состояние блаженного покоя я испытывал лишь однажды – на мысе Бурхан, на Ольхоне, когда после заката оставался один среди древних скал. Тогда, как и сейчас, происходило чудесное разделение:

Тело оставалось на земле, а Дух – поднимался ввысь, парил в духовном экстазе, касаясь небес.

Это и есть места силы – где граница между тобой и Вселенной истончается. Где душа ощущает свою причастность к чему-то вечному, даже если разум пока не может этого объяснить.

Сердце билось чаще, но не от страха – от радости, от ощущения чуда.

Ночь здесь была великолепна. В таких местах время останавливается.

Воспоминание... Пробуждение Духа: конец 90-х

В те годы во мне начало происходить что-то странное.

Я стал видеть то, чего не видят другие.

Мельком – на пару секунд – замечал на людях какие-то наросты, будто их тела обволакивала иная плоть. Внутри них – свечение, разное по цвету, с едва уловимым запахом. Оно колебалось, будто колыхнется на ветру, вибрировало перед изменениями погоды, затмениями, космическими бурями.

А во мне...

Во мне что-то натягивалось, как струна перед разрывом.

Мир я чувствовал кожей.

Сердцем.

Умом.

Это пугало.

Отчуждение

Когда напивался – друзья шептались, что я становлюсь другим.

Глаза, говорят, темнели.

Голос – грубел.

Меня начали бояться.

Я и сам себя не понимал.

Стал избегать людей, зарылся в книги, в информацию с электронных носителей – может, там найду ответ?

Но это не могло длиться вечно.

Бегство в Киев

Решил сорваться.

Собрал вещи, попрощался с родителями – и вперёд, в неизвестность.

В Киеве жил двоюродный брат, а в Броварах – тётя Зина.

(Пишу эти строки 25.08.2023 – её только что похоронили. Ирия тишайшего. Светлой дороги, чистой Душе.)

Тогда, в конце 90-х, я ещё не знал, что этот побег станет началом чего-то большего.

Пробуждения на месте силы.

Солнце только поднялось, когда я свернул палатку. И сразу увидел его – обглоданную коровий кость с копытом, лежащий в двух метрах от меня. Блестел на рассвете, будто древний оберег, оставленный специально. Знак? Случайность? Не знаю. Но решил – сначала святое место, потом еда.

Роща, где растут желания

Ночь я провёл у священной рощи – там, где ветви деревьев сгибаются под тяжестью тысяч ленточек -хий морин. Каждая – чья-то надежда, боль, мольба. Они шелестели на ветру, как стая разноцветных птиц, и в этом шорохе слышались

Хриплый шёпот старика, просящего ещё пять лет для больной дочери

Смех девушки, завязывающей ленту "для встречи с суженым"

Тихий плач того, кто уже не верил, но всё равно повязал последнюю нить

В сердце священного ветра

Я шёл посолонь, как велел древний ритуал, ладонями проворачивая молитвенные барабаны – те самые, что местные называют "хурдэ". Не стану лукавить: я не знаю всех тонкостей их верований. Но в тот момент это и не требовалось – божественное редко нуждается в инструкциях.

Воздух был густ от ароматов тысячи цветов – алые маки, золотые ноготки, белые жасмины, брошенные к подножиям ступ. Их запах смешивался с дымком благовоний, и казалось,

будто сам ветер шепчет молитвы. Я чувствовал кожей, как это место дышит – медленно, глубоко, словно спящий дракон под горой.

Каменные стражи молитв

Внутри храмов царил полумрак, пробиваемый лишь дрожащим светом масляных лампад. Их огоньки отражались в позолоченных ликах бодхисаттв, и мне чудилось, что их глаза следят за мной – не осуждая, а приглашая понять что-то, что нельзя выразить словами.

Я снимал на телефон (простите, современный пилигрим!), но камера не передавала главного – того, как вибрация мантр оседала на коже мурашками, как древние росписи на стенах шевелились в периферийном зрении, будто живая танка.

И в какой-то момент я перестал быть собой.

Моё сознание растворилось в этом океане чаяний – я чувствовал их все сразу, как будто кто-то влил мне в грудь расплавленное золото коллективной веры.

Перед внутренним взором вспыхивали танцующие буквы с молитвенных флагов – они складывались в узоры, которых нет ни в одном языке, но которые понимаешь сразу, без перевода.

Это было похоже на:

Вихрь из пепла тысяч сожжённых желаний

Ребус, где ответ – в самом вопросе

Танец того, что люди называют "судьбой", а буддисты – "кармой"

Когда рассвет разорвал небо над дацаном, я понял: здесь нет чудес.

Здесь есть правда – оголённый нерв мироздания, где каждая молитва не просьба, а напоминание себе: ты уже часть этого.

Дорога к Чите: мост через Селенгу

Меня высадили на повороте – дальше предстояло идти пешком. Решил проверить себя: сколько смогу пройти до вечера?

Дорога привела к мосту через Селенгу. И там – гора, усеянная деревянными сарге и чурами, буддийскими ритуальными столбами. На скале – два оленя, вырезанные из камня, будто застывших в вечном прыжке.

Вид захватывал дух.

Река, горы, тишина – место, где время замедляется. Глаз радуется, душа взлетает, и ты чувствуешь себя частью чего-то бесконечного.

Вопросы, которые приходят в таких местах

Стоя там, я думал:

Мир огромен.

Места хватит всем.

Дух – он везде, во всём.

Но тогда почему в нём столько разделения?

Почему религии, вместо того чтобы объединять, часто ставят людей друг против друга?

Почему социальные группы конфликтуют, вместо того чтобы дополнять друг друга?

Ответы приходят – но не сразу

Такие места, как этот мост, не дают готовых решений. Они заставляют душу задавать вопросы.

А ответы приходят потом – когда ты готов их принять.

Тридцать километров за день – не шутка. Левая нога, моя вечная слабость, начала сдавать: болела, подворачивалась на ровном месте. Пора было остановиться.

Нашёл место на берегу – возвышенность с мягкой травой, будто специально приготовленная для путника. Быстро поставил палатку, разложил вещи и – смывать дорожную пыль.

Река встретила мелкой галькой и песком под ногами. Разбежался – и нырнул, ощущая, как прохлада обволакивает кожу. Пот, соль, усталость – всё уплывало по течению.

Практика в воде

Намылился, снова нырнул – и отпустил себя. Течение несло, а я задержал дыхание, вспомнив одну практику:

Закрываешь глаза.

Вдох на семь счетов.

Задержка на семь.

Выдох на семь.

Делаешь ровно, управляя вниманием.

А потом – выходишь из тела.

Наблюдаешь со стороны: вот ты плывёшь, вот лицо в сосредоточении, вот руки раскинуты, как крылья.

И в какой-то момент ловишь мгновение, когда ты – целое.

Ты – это ты.

Высшее "Я", не замутнённое мыслями, болью ноги или тяжестью рюкзака.

Время перестало существовать. Два дня растворились – не было вчера, не будет завтра. Есть только я, шагающий по дороге, и мир вокруг, который то появляется, то исчезает.

Я выключился.

Телефон – молчит.

Встречные люди – словно тени.

Машины проезжают сквозь меня.

Нет тела.

Нет мыслей.

Нет боли.

Нет даже самого себя.

Только пустота в голове и шаг за шагом – вперёд.

Магия бессмыслия

Цель проста: опустошить ум, чтобы накопить энергию.

Как сосуд, который нужно сперва освободить, а потом наполнить силой.

Потом её можно будет распаковать – направить туда, куда нужно.

Но сейчас – тишина.

Конец пути: сон у деревьев

К вечеру резко свернул с дороги. Не думал, не выбирал – ноги сами привели к месту среди деревьев.

На автомате:

– Поставил палатку.

– Забросил вещи внутрь.

– Не ел.

– Не пил.

– Залез в спальник.

Перед сном последняя мысль:

"Меня ведёт Дух.

Святой Дух вошёл в меня.

Отец Род Небесный – во мне, вокруг, со мной.

Мы – целое.

Неразделимое.

Вечное."

И – провалился в сон.

Полдень второго дня.

Я шагал по пыльной дороге, и слова – древние аффирмации, заговоры – лились из глубины памяти. Те самые, что учил ещё на Алтае, в Казахстане, у Байкала. Они шли без мысли, без усилия, как свет сквозь тучи.

Мозг загорелся.

Будто невидимое излучение коснулось закрытых отделов, пробуждая дремавшие нейроны. Мысли стали чистыми, светлыми, как горные ручьи.

Часы текли, а я всё шёл, и с каждым шагом:

Сила Духа наполняла тело.

Каждая клетка впитывала свет – внутренний и внешний.

Пространство вокруг пульсировало, сливаясь со мной.

Тело завибрировало – мурашки, дрожь, волны энергии под кожей.

Я окутался коконом света.

Соединение с Камнем Алатырём, находясь в эпицентре его влияния. Объединяюсь с ним, подсоединяюсь к нему, как к источнику внешней, животворящей энергии.

В такие моменты я утончаюсь до состояния космической пустоты.

Чувствую:

Колебания земли – будто сама планета дышит.

Энергию Алатыря – того самого, пробудившегося Камня, что лежит в основе мира.

Я подсоединяюсь к нему, как к источнику.

Часы в этом потоке – и я уже другой.

Готовый к тому, что ждёт впереди.

Орёл – проводник

Огляделся – сопки, реки, бескрайнее небо.

И над головой – орёл.

Кружил, как когда-то на Алтае.

Высматривает добычу? Или указывает путь?

Ведь он – посланник небес.

Интересно наблюдать природу вокруг.

И природу в себе.

25.08.2023. Дожливый рассвет на пути

Утро встретило серым, натянутым небом. Воздух гудел от напряжения, будто перед грозой. Пока собирал палатку, уже достал дождевик – и для себя, и для рюкзака. Телефон, молчавший несколько дней, показал прогноз: дожди.

Но сегодня мир воспринимался иначе. Внутреннее и внешнее слились – больше не было границы между мной и тем, что вокруг.

Дорога под ливнем

Первые шесть километров – лишь мелкая морось. Потом небо разорвалось.

Ливень хлестал так резко, что я даже не успел накинуть дождевик. Промок до нитки. Рюкзак тоже – клеёнка осталась сложенной, бесполезной.

Но дорога дарит встречи.

Остановился манипулятор с бетонными кольцами – водитель, бурят, оказался экономистом, закончил университет. Говорили о «Капитале» Маркса, о сегодняшней экономике, политике, геополитике. О социальных проектах, развитии регионов, истории.

Семьдесят километров пролетели незаметно.

Мысли вслух

Всегда интересно: кого подбросит путь?

Какой человек окажется рядом?

Какая природа промелькнёт за окном?

Какие мысли придут в голову?

Хочется всё успеть: и говорить, и смотреть, и чувствовать эту дорогу.

После заправки пошёл в горку, ускоряя шаг. Дождь начался снова – пока возился с дождевиком и клеёнкой, успел промокнуть. Машины проносились мимо, окатывая брызгами. Но жизнь интересна именно неожиданностями.

На спуске увидел остановку. Дождь почти прекратился, асфальт парил, воздух стал липким. Пока разматывал клеёнку, телефон жужжал – Алина. Разговор тяжёлый, нервный.

Вскинул руку – и вдруг резкий скрип тормозов.

Остановилась правая "тойота" с открытым багажником, откуда бухал сабвуфер. Два парня:

– "Проветривали машину!"

Оказалось, 18-летние диджеи – кальянщики из Читы. Без прав. Скорость, музыка на всю громкость, обгоны на встречу. Перед камерами – резкое торможение, в ямы – на полной. Диски бились о крылья, сабвуфер долбил по почкам, а они смеялись:

– "У одного из нас сегодня ДР – вот и катаемся!"

Философия на скорости

И ведь жизнь – как эта поездка:

То разгон – живёшь на пределе, боишься не успеть.

То резкий стоп – и ты уже в пустоте, с мыслями:

"Туда ли я лезу?"

То ли выбрал?

Кто я вообще?"

А потом – снова газ в пол.

Пять часов безумной езды с диджеями -лихачами остались позади. Чита встретила нас полуночным безмолвием и редкими фонарями, в свете которых дождь превращался в серебряные нити. Я отказался от палатки – не время. Город ждал.

"Турист" оказался типичной советской гостиницей: скрипучие половицы, запах хлорки и шторы с выцветшими розами. Но в этот момент – рай. Горячая вода смыла дорожную грязь, бритва соскребла трехдневную щетину. Чистая простыня холодила кожу, а за окном...

За окном оживали воспоминания.

Мозг, будто кинопроектор, выдавал кадры: Алтай-2017, тот первый шаг на тропу; Байкал, где волны шептали древние мантры; клиническая смерть, перевернувшая всё. Параллели с сегодняшним днём проступали так чётко, что пальцы сами сжали подушку.

"Ты на верном пути" – шелестело в такт дождю.

Я закрыл глаза, чувствуя, как реальность размывается. Где-то там, в темноте, уже ждало новое утро. Новые километры. Новые знаки.

А пока – сон. Последняя мысль перед падением в бездну:

"Род, Всевышний, Дух... Мы создаём это вместе".

Вспоминая... Лето 2000 года пахло молодостью и асфальтом, прогретым первым по-настоящему жаркими днями. То ли май, то ли уже июнь – время стёрло точную дату, но помню: город уже утопал в зелени, когда я сошёл с поезда на киевском вокзале.

Деньги в кармане шелестели скромно, но достаточно для первых дней. Без тени сомнения я отправился к тёте в Бровары – переждать, сориентироваться, понять, куда меня занесёт судьба.

– "Оставайся у Валика в Киеве", – сказала тётя за вечерним чаем. – "Там и работу найдёшь".

Я ещё не знал тогда, что эта квартира станет моим домом на короткий месяц. Первым моим сильным мистическим опытом, моим проклятием и моим спасением.

Дом из прошлого века

Советская трёхэтажка возле Индийского посольства будто застыла во времени:

По утрам её будили трамваи из депо за белым бетонным забором

По вечерам басы из ночного "Голливуда" били в стёкла

А между ними – древние купола Кирилловской церкви, видевшие ещё князей.

Я, парень из провинциального городка на юге Святой Руси, впервые оказался так далеко от дома. И каждый день тогда казался приключением:

Улицы, по которым ходили поэты

Подземка, где в толпе можно было потерять век.

Запахи кофе и сирени с Крещатика. Мир манил меня, как манил когда-то моих предков-путешественников. Только в моих жилах текла не кровь – чистый адреналин.

Я чувствовал – судьба даёт мне билет. В один конец. Без права на ошибку. Стать тем, кем должен был стать. Или исчезнуть навсегда в этом каменном лабиринте.

А за окном уже зажигались огни "Голливуда", и последние трамваи с грохотом заезжали в трамвайное депо.

26.08.2023. Чита.

Утро встретило меня свежестью и ясностью. Выйдя из гостиницы – выспавшийся, подбритый, с заряженными до предела гаджетами – я неспешно двинулся в центр города. Чита разворачивалась передо мной как книга с гравюрами: старинные деревянные дома с резными наличниками соседствовали с советскими пятиэтажками, а где-то между ними пробивался дух нового времени.

Краеведческий музей оказался сокровищницей. Шаманский наряд с бубном и подвесками заставил что-то ёкнуть в груди – будто отозвалось давно забытое. Экспонаты шептали

истории о забайкальских степях, о тунгусских шаманах, о казаках -первопроходцах. Я задержался у витрины с древними артефактами, чувствуя, как сквозь века протягивается нить...

На площади ко мне подошла женщина:

– Путешественник? Далеко ли путь держишь?

Я, как всегда, ответил правду:

– Из Иркутска иду. А по жизни – с 2017 года, из-под Харькова. Во Владивосток.

Она оказалась местной учительницей. Провела в свой кабинет, открыла карту на компьютере, показала лучший маршрут к федеральной трассе. "До автовокзала – потом автобус номер..." – объясняла она, а я ловил каждое слово, мысленно благодаря судьбу за таких людей.

Дорога зовёт

Автобус высадила меня у военной части. Водитель махнул рукой в сторону трассы:

– Иди прямо, не ошибёшься.

Я сделал первый шаг по обочине, чувствуя, как с каждым метром:

Затянувшиеся узлы начинают распускаться

Задуманное обретает форму

Путь выпрямляется, как стрела.

Программа "Гугл -карты" на телефоне моргала синей точкой – я всё ещё плохо в ней разбирался. Но разве это важно, когда сама Вселенная рисует маршрут?

"Пройдя этот отрезок – всё свершится" – прошептал я, и ветер донёс мои слова до небес.

Где-то впереди ждал Владивосток. А пока – только дорога, уходящая за горизонт.

Я шагал, повторяя про себя священные формулы, выкованные за годы практик – те самые, что когда-то выписывал кровавыми буквами на страницах памяти. С каждым шагом:

Слова оживали на языке

Воздух густел от энергии

Рюкзак терял вес, будто наполненный не вещами, а светом

Магия – Могу Я.

Это не просто слова – код, перепрограммированный реальность. Когда веришь в цель – дорога подстраивается. Когда знаешь силу – машины останавливаются сами.

Первые девять километров

Жара висела маревом. Грибники копошились в придорожных кустах, а я:

Шел

Останавливался – глоток воды. Читал заговоры аффирмации (те, что заставляют пространство сжиматься)

Визуализировал трассу как живую ленту, тянущую меня вперёд

Гугл -карты моргали синей точкой – я все ещё путался в маршрутах, но внутренний компас вёл точнее любого навигатора.

И вот – перекрёсток.

Сначала подумал – мираж. Но нет:

Фуры с дальнебойными номерами

"КамАЗы" с прицепами

Легковушки, пыльные и бывалые

Федеральная трасса "Амур" – живая кровь Забайкалья.

Расчёт на два дня? Шутка.

Встал у обочины – первая же "Газель" затормозила

Проехал отрезок – грузовик с лесозаготовок подхватил

Следующая точка – водитель в буддийской майке уже махал мне в окно

Как будто сама трасса подставляла колеса, зная:

Он идёт по Настоящему Делу.

А в голове пульсировало:

"Род ведёт. Дух направляет. Дорога подчиняется."

Заправка "Тайга" маячила в сумерках ржавым оазисом. Я стряхнул со штангин пыль федералки, сгрёб в охапку бутылки с водой.

– "К семи утра подойдёте – кипяток будет", – девчонка за кассой щёлкнула жвачкой, оценивающе оглядывая мои обгоревшие на солнце руки. Видала таких, говорил её взгляд. Странников. Грешников. Ищущих.

Палатка встала там, где лесная подстилка пахла:

грибной сыростью

смолой рухнувшей сосны

чем-то древним, дочеловеческим

Лисички торчали из мха, как золотые язычки пламени. Сорвал одну – крохотную, с загнутыми краями. Хруст на зубах, горьковатый сок. "Хиноманноза рубит гельминтов под корень", – эхом отозвался в висках голос Надьки -знахарки. Что меня правила по здоровью, много лет назад в Житомире. Знания остались – вот они, живые, под языком.

Костёр разводил с проклятиями:

– Сырые ветки шипели змеиным яростью

– Яма для очага наполнялась грунтовой водой

– Дым застилал глаза едкой пеленой

Но когда суп загустел (грибы+гречка+соль+две капли масла из засаленной бутылочки), мир перевернулся.

Тьма пришла мгновенно.

Я щёлкнул фонарём – луч выхватил из мрака:

–Пляшущие тени на стволах

– Блёклые пятна лишайников

– Угли, дышащие алым светом

Ложка выпала из рук. Гречка подгорела. Какая разница?

Настоящий ужин готовился там – в горниле преобразования, где:

Время текло вспять

Кости становились легче перьев

А слова, те самые слова, обретали плоть

Я протянул руки к огню. Они ответили жаром.

Перед тем как погрузиться в сон, я вспомнил одну из первых практик – «Шаг к цели».

Как это работает:

Выбираешь простую цель – например, купить хлеб.

Находишь на здании магазина точку – трещину в кирпиче, пятно краски.

Начинаешь движение, не сводя с неё глаз (сначала с 50 метров).

Входишь в магазин – точка исчезает из поля зрения.

Совершаешь покупку, продолжая держать образ в голове.

Выходишь – и вот она, на месте, как и была.

Секрет в деталях:

– Первые дни – по 2-3 минуты концентрации.

– Потом увеличиваешь до 10 минут.

– Добавляешь новые точки в течение дня.

Эта практика – не просто тренировка внимания.

Она учит:

– Держать фокус сквозь отвлекающие факторы.

–Чувствовать связь между намерением и результатом.

–Развивать ту самую «силу воли», которая превращает мысли в действия.

За окном палатки трещали ночные насекомые. Я закрыл глаза, представляя:

Завтра – новая точка на новом здании.

Новый шаг.

Новая цель.

А где-то далеко, на федеральной трассе, фуры гудели в ночи, продолжая мой путь.

Ледяные пальцы рассвета впились мне в плечи. Я проснулся от того, что зубы стучали как затвор винтовки, а дыхание застывало в воздухе белыми клочьями. В палатке пахло морозом и влажной синтетикой – ночь выдалась холоднее, чем я рассчитывал.

Заправка "Тайга" встретила меня светом флуоресцентных ламп и запахом жареных пирожков. Две женщины за стойкой – одна в очках с толстыми линзами, другая с татуировкой дракона на шее – переглянулись, когда я вошёл, потирая побелевшие пальцы.

– На, согрейся, – без лишних слов протянула мне стакан кипятка та, что с драконом. Её голос хрипел, будто простуженный ворон.

Я купил шоколадный батончик "Сникерс" и пачку семечек "От Мартина" – маленькая слабость странника. Чай был крепким, как сибирский мороз, и сладким, как воспоминания о доме.

Пока пил, в голове прокручивал вчерашний день:

Огонь, что не хотел разгораться.

Тени в пламени, шептавшие на забытом языке.

Тот момент, когда реальность истончилась, как папиросная бумага...

Не строю планов. Не люблю клеток, даже из собственных расчётов. Неизвестность – вот мой наркотик. Она пьянит сильнее, чем любой алкоголь, затягивает глубже, чем болото в дельте Селенги.

Собирал лагерь методично, как сапёр перед отступлением:

– Залил кострище, хотя угли уже остыли. (Кто знает, какие духи живут в этом лесу?)

– Засыпал яму землёй, разровнял ладонями.

– Проверил каждый сантиметр – ни пакетика, ни обрывка фольги.

Закон тайги прост: приходишь как гость, уходишь как призрак. Бери только то, что тебе дадут. Оставляй только благодарность.

Когда шёл к трассе, воспоминания накрыли меня лавиной:

Тот день в Киеве, когда впервые увидел их – теней за зеркальной поверхностью мира.

Ночь на Алтае, когда моё тело три часа лежало бездыханным, а душа летала над хребтами.

Момент у Байкала, откровения под звёздным небом.

Это не просто воспоминания. Это шрамы на душе. Каждый – урок. Каждый – дверь.

Лето 2000 года. Куренёвка.

Жил у двоюродного брата в этом районе, который местные называли просто – Куренёвка. И вдруг, без видимой причины, меня накрыло. Не просто плохое настроение – а настоящая тьма. Холод внутри, страх, будто кто-то невидимый стоит за спиной. Днём не мог выйти на улицу – давило, как будто воздух был наполнен чем-то тяжёлым, чужим.

В квартире – брат, его жена, их сын и старая бабушка, которую почти не замечал. Она тихо существовала в своей комнате, будто тень. Днём все разбредались: брат с женой на работу, ребёнок в садик, бабка дремала. А я оставался один. И мне казалось, что мы – не одни.

Пространство вокруг было натянуто, как струна. Воздух звенел от невидимого напряжения. А за окнами, в самом районе, будто висели какие-то сгустки – плотные, тёмные, незнанные. Думал, может, это из-за переезда, из-за смены обстановки. Мол, надо привыкнуть к ритму большого города.

Но однажды ночью мне приснилось...

Я спал, и вдруг – резкое ощущение, что в комнате кто-то есть. Во сне открыл глаза – у кровати стояли женщина и девочка лет пяти -семи. В руках у ребёнка – потрепанный кучерявый медвежонок, словно из послевоенных времён. Они молча смотрели на меня, склонив головы. Рты открывали – но звуков не было. Будто не хватало воздуха для слов. Или они были немые.

Проснулся резко, вскочил. В комнате – тишина. Все спят. Время далеко за полночь – может, два, может, три. Оделся, вышел на улицу покурить – тогда ещё дымил.

Возле подъезда затянулся, и вдруг – боковым зрением заметил движение. Возле здания индийского посольства что-то клубилось. Сделал шаг к углу дома – и мир перевернулся.

Передо мной пронеслась черно -серая масса – бесформенная, зловонная. От неё воротило, как от трупного смрада. Внутри этой жижи – обломки: кирпичи, ветки, мусор. Я видел это не глазами, а... будто внутренним зрением.

А потом стена трамвайного депо стала прозрачной. И за ней – хаос. Всё переворачивалось, ломалось, горело. Как в фильме – катастрофе: грязная вода, огонь, люди в панике.

Потом увидел их.

Между стеной дома и белым забором депо, в тёмной массе, начали проступать фигуры. Люди... или то, что от них осталось.

Одни – переломанные пополам. Другие – с вылезшими глазами, с руками, сжимающими горло. У одного – железный прут, торчащий из груди. У другого – голова, расплюснутая, как блин. Кто-то болтался, как тряпичная кукла, с руками и ногами, превратившимися в кисель. Некоторые – просто куски мяса, разорванные на части.

А ещё... те, кто задохнулся. У них от рта до лёгких тянулись чёрные потоки – будто их лёгкие были залиты грязью.

Они двигались рывками, неестественно, будто в старом черно -белом кино, но с мерзким флюоресцентным свечением. То ли от уличных фонарей, то ли они сами светились – тускло, жёлто -зелёным, как разряды перед грозой.

А звуки...

Грохот, скрежет, удары. Крики, стоны, плач. То громко, то приглушенно, будто из-под толщи воды.

Я стоял, парализованный ужасом. Не мог пошевелиться. Это длилось... секунды? Минуты? Очнулся только тогда, когда сигарета прогорела до фильтра и обожгла пальцы.

Встряхнулся. Стою, держусь за угол дома, весь в поту. Хотя на дворе – конец мая или начало июня, не помню. Но меня трясло, как в лихорадке.

Вернулся в квартиру. Все спали. Лёг, но сон не шёл. В голове – обрывки увиденного.

Утром, когда все разошлись, наконец уснул.

А потом – решил идти в церковь.

Уже тогда был религиозным. После ножевого – что-то во мне сломалось. Стал другим: тихим, задумчивым, без прежней злости. Только под алкоголем – снова превращался в того, кем был раньше.

Вышел на улицу. Пересёк трамвайные пути. Слева – спорткомплекс, поле для регби. Справа— дорога в гору.

А впереди – Кирилловская церковь. Одна из самых старых в Киеве. Место, где дышит сама история.

Шёл туда, чтобы молиться. Чтобы забыть.

А ещё знал, что рядом – больница имени Павлова. Та самая, которую в народе называют «психушкой».

Но в церкви, в этом намоленном месте, страх отступал. В молитвах, в покаянии, в религиозной эйфории – всё, что видел, казалось далёким кошмаром.

Хотя...

Кто знает, что было реальнее – этот мир или те тени, что преследовали меня той ночью?

28.08.2023 Золотые копии.

Я вышел на дорогу, поднял руку, и почти сразу же передо мной замерла отрёпанная жизнью «Лада». За рулём – парень, коротко стриженный, с усталыми, но добрыми глазами. Предложил подвезти. Услышав, что я странствую, кивнул без лишних вопросов.

Машина пахла бензином и старой кожей. Мы ехали, болтая о пустяках, и он рассказал, что работает машинистом электровоза, но из-за плавающего графика подрабатывает таксистом. В его владении ещё пара машин – видимо, человек привык крутиться. Говорил спокойно, но в голосе чувствовалась усталость.

Потом разговор неожиданно перешёл на дочь. Он описал симптомы – сбивчиво, нервно, будто боялся произнести что-то вслух. Я слушал, а перед глазами, будто кадры из чужой жизни, всплывали картины: больничные коридоры, белые халаты, девочка, сжимающая кулачки от боли. Я подстроился под его ритм, вник в суть и объяснил, что нужно делать. Он кивал, впитывая каждое слово.

За окном мелькали пейзажи: сначала горы, потом – бескрайняя степь, редкие перелески, одинокие деревни с покосившимися заборами. Чем ближе к посёлку, тем чаще попадались пятиэтажки, серые и облупленные, а между ними – частные дома с резными ставнями.

Остановились у столовой. Над входом – вывеска с подтёрпанными буквами, но само название тронуло: простое, честное, из детства. «Столовая» – потому что здесь кормят, как дома.

Внутри пахло борщом и свежим хлебом. Заказал жидкое – в дороге оно как бальзам, да пару пирогов с картошкой, румяных, с хрустящей корочкой. Пока ел, гаджеты заряжались у розетки в углу. Женщина за стойкой, полная, с добрым лицом, то и дело поглядывала – видимо, редко тут видят путников.

Поблагодарил за обед, вышел.

Вышел из села – и сразу на федеральную трассу. После сытного обеда тело обмякло, идти не хотелось. За последние дни немного сбросил вес, и организм, ещё не привыкший к новым условиям, слабо сопротивлялся. Но это не просто слабость – это перестройка.

Я давно научился чувствовать своё тело изнутри. Не просто как оболочку, а как сложный, тонко настроенный механизм. Каждый орган – будто отдельный инструмент в оркестре. Сердце – глухой, ритмичный гул. Лёгкие – плавные волны вдоха и выдоха. Печень, почки – тихие, но важные вибрации. Даже кожа, кости, волосы – у всего есть свой оттенок, своя частота, своя «мелодия».

И я умел её настраивать.

Ускорить – когда нужно идти без усталости. Замедлить – когда требуется выдержка. Дать отдых – когда тело кричит о помощи. Этому не учат в книгах – это познаётся только через опыт, через боль, через пределы возможного.

Едва вышел на трассу, даже не успел снять рюкзак – машина остановилась сразу. Так теперь часто бывало – с тех пор, как под Читой заключил Договор с собственной Душой. Мир стал откликаться быстрее.

Проехал немного, километров 30–40. Водитель высадил на остановке – вокруг уже поднимались сопки, суровые и молчаливые. Сделал пару шагов – и снова машина. Женщина за рулём – тренер по карате, ехала к матери за ребёнком. Разговаривали о жизни, о спорте, а за окном мелькали промзоны, какие-то серые строения, склады.

И вдруг – внутри всё сжалось.

Тяжесть.

Давление сверху и снизу, будто невидимые тиски. С годами я стал тоньше чувствовать окружающий мир – не только глазами, а чем-то глубже. Седьмым чувством? Шестым? Десятым? Названия нет – это нельзя описать словами. Это надо пережить.

А за окном – разрезы в горах.

Огромные территории, будто содранные заживо. Верхний слой почвы срезан, земля переверочена, изуродована техникой.

– Это золотые прииски, – пояснила женщина.

Но меня не интересовало золото.

Меня давила энергия этого места.

Тяжёлая. Густая. Пропитанная чем-то древним, почти злым.

Будто сама земля стонала под ковшами экскаваторов.

Я молча смотрел в окно, чувствуя, как эта тяжесть оседает в костях, в крови, в лёгких.

Не все места на Земле – добрые.

Некоторые помнят слишком много.

Посёлок встретил меня тишиной. Дома здесь другие – не такие, как в моих краях. В России каждый регион будто дышит по-своему, и в этом – её тайна, её притяжение.

Вышел на федеральную трассу. После еды тело налилось тяжестью, двигалось лениво. За последние дни немного похудел, и организм, ещё не привыкший к новому весу, слабо сопротивлялся. Но это – часть игры.

Я давно научился чувствовать своё тело, как часовой механизм. Каждый орган – шестерёнка в единой системе. Сердце – глухой, ритмичный гул. Лёгкие – плавные волны. Печень, почки – тихие, но важные вибрации. Даже кожа, кости, волосы – у всего есть свой оттенок, своя частота.

И когда нужно, я настраиваю этот механизм: ускоряю, замедляю, даю передышку. Это знание пришло не сразу – годы наблюдений, проб, ошибок. Но теперь я слышу своё тело, как музыку. И если надо – меняю её ритм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.